
ДВА БЕРЕГА СЕНТЯБРЯ
АСЯ ХЕЙЛ

Ася Хейл

Два берега сентября

«Автор»
2026

Хейл А.

Два берега сентября / А. Хейл — «Автор», 2026

После закрытия моста семнадцатилетняя Ася больше не успевает из родного села в школу. Переезд к тёте на другой берег даёт ей отдельный стол, время на географию и встречи с Матвеем. Дома остаются мама, младшие брат и сестра, привыкшие, что Ася всегда рядом.Теперь каждое возвращение приходится сверять с расписанием, погодой и чужими ожиданиями. А когда Матвей выбирает учёбу в другом городе, Ася замечает, как легко снова проложить свою дорогу вслед за кем-то. Впереди выпускной год, первая любовь и выбор, которого не сделает за неё ни одна карта.

© Хейл А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. До следующего рейса 5
Глава 2. Семь минут 9
Глава 3. Дальше остановки 13
Глава 4. Воскресная сумка 17
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Два берега сентября

Глава 1. До следующего рейса

Ася поставила пакет с молоком между ботинками и в третий раз потянула вниз край школьной юбки. Автобус не двигался. Впереди, за мокрыми затылками пассажиров, горели красные огни грузовика, хотя светофора перед мостом никогда не было. До звонка оставалось двадцать шесть минут. Если пропустят сейчас, она ещё успеет купить обложку для Милкиного дневника и добежать до второго этажа, не заходя в гардероб.

— Девушка, пакет ваш течёт, — сказала женщина рядом.

Ася подняла молоко. На дне была лужица дождевой воды, просочившейся с её зонта. Она прижала мокрый пакет к коленям, чтобы никому не мешать, и заглянула в проход. Водитель уже стоял снаружи, у полосатого ограждения. Человек в оранжевом жилете показывал ему что-то на телефоне.

Вчера по мосту шли с цветами. Из-за спин можно было разглядеть Сиву, плоскую и светлую, с лодкой около дальнего берега. Мила проводила Асю до поворота к своей сельской школе, всё время забегая вперёд: ей хотелось первой показать новому учителю синий ранец. Дальше Ася шла одна. Ничего не скрипело и не рушилось. Мост был тот же самый, на котором она ещё маленькой считала швы между плитами.

Водитель вернулся, не закрывая зонт.

— Всё, граждане. Назад едем. С завтрашнего дня маршрут до пристани. Сегодня как получится, диспетчеру звонят.

Из середины салона спросили, можно ли пройти пешком.

— Нельзя. Полное закрытие. Мне так же надо на ту сторону, как вам.

Ася выбралась за женщиной с хозяйственной сумкой. Пакет ударился о поручень, молоко взболталось. К мосту подходили люди, останавливались у бетонного блока, читали лист в прозрачном файле. Внизу листа дождь собрался пузырём. Она успела разобрать «на период проведения ремонтных работ», но даты окончания там не было.

По ту сторону ограждения рабочий катил тачку. Ася следила, как её колесо подпрыгивает на стыках. Ему можно было пройти. Казалось, стоит объяснить, что у неё география первой, а после школы надо забрать Милу и купить Семёну циркуль, и её тоже пропустят. Не на весь день. Только сейчас и обратно.

Телефон зазвонил, пока она пыталась сфотографировать объявление.

— Ты где? — спросила мама.

В трубке загремела железная тележка. Антонина уже принимала товар в магазине, который открывался через час.

— У моста. Нас высадили.

— Мне написали. Иди на паром. Там должны добавить рейсы.

— Это в другую сторону.

— Я знаю, где у нас паром, Ася. Пока дойдёшь, что-нибудь решат. Классной напиши сразу. И молоко к Вере занеси, раз уж взяла, а то до вечера прокиснет.

Молоко было деревенское, в двухлитровой бутылке, для тёти. Ася переложила пакет в другую руку.

— Мам, а Милу?

— Я Андрея попрошу. Сегодня он может. Ты доберись сначала.

Разговор кончился прежде, чем Ася спросила, как ей возвращаться. Она написала Елене Сергеевне, отправила фотографию объявления и пошла вместе с несколькими пассажирами

вниз, к старой дороге. Автобус разворачивался медленно; пассажиры внутри держались за спинки, точно он вёз их куда-то совсем далеко.

У пристани очередь начиналась от будки с заколоченным окном. До этого Ася ездила на пароме дважды: один раз с отцом за песком для двора, другой — летом, когда они с Полиной просто захотели прокатиться. Тогда машины въезжали без очереди, и на палубе пахло нагретым железом. Теперь за мокрой сеткой стояли люди в школьных куртках, с портфелями, с коробками для городской пекарни. Паром виднелся у противоположного берега. Совсем рядом, если мерить глазами.

Ася нашла под козырьком сухое место шириной в ладонь и поставила туда молоко. Из школьного чата приходили сообщения: кто-то уже сидел в кабинете, кто-то застрял на мосту с другой стороны. Полина написала: «Тебе место держать?» Ася ответила: «Да».

Через сорок минут Полина прислала фотографию задания.

Паром сначала выгрузил машины, потом взял людей с коляской, потом водитель белого фургона долго сдавал назад, чтобы втиснуться на своё место. Ася стояла за ограждением и смотрела на ботинок мужчины впереди. К подошве прилип жёлтый лист. Он не отвалился даже тогда, когда мужчина раздражённо переступил с ноги на ногу.

Она вдруг страшно захотела домой. Не потому, что промокла: дома можно было переодеться, повесить молоко на гвоздь у калитки, пока достаёшь ключ, и знать, что будет дальше. Здесь от неё не зависело даже то, попадёт ли она на палубу.

На тот рейс она не попала.

* * *

В школе пахло свежей краской из раздевалки и котлетами. Ася вошла во время третьего урока. В холле никого не было, кроме гардеробщицы, складывавшей забытые в прошлом году шапки. Молоко Ася уже отнесла тёте, потратив на это ещё двенадцать минут; в бутылке ничего не прокисло, но Вера заставила её снять носки и выдала свои, серые, слишком длинные. Теперь носки собирались над ботинками, и Ася всё время наклонялась их поправить.

У двери кабинета она замерла с рукой на ручке. За стеной кто-то отвечал. Первый настоящий учебный день одиннадцатого класса шёл без неё, будто она уже выбыла из него по причине, которую самой следовало предусмотреть.

Елена Сергеевна вышла через минуту, держа раскрытый журнал.

— Ася. Хорошо, что добралась. Вещи можешь оставить здесь, сейчас перемена. Мама с Верой Николаевной уже говорили?

— О чём?

— Где ты пока поживёшь.

Ася посмотрела на мокрый след от своего ботинка.

— Я домой буду ездить.

— Сегодня добиралась больше трёх часов. Утренний паром не стал от этого больше.

— Расписание поменяют.

Учительница не спорила. Она протянула Асе лист с темами по географии и сказала, что после уроков будет в кабинете, если что-то непонятно. В верхнем углу листа стояла фамилия Аси, написанная заранее. Это почему-то обидело ещё сильнее: здесь её ждали, а она всё равно не пришла.

До конца дня Ася успела записать два домашних задания, ответить матери, выслушать, что Семён сам купит циркуль, и узнать, что последний удобный рейс обратно может уйти до её дополнительных занятий. Матвей Корчагин, сидевший через проход, дважды оборачивался к ней. В первый раз она решила, что он смотрит на носки, и спрятала ноги под стул. Во второй он положил на край её парты листок.

— Это по алгебре. Первый номер разобрали не так, как в учебнике.

— Спасибо.

Она взяла листок, не подняв головы. Почерк у него был угловатый, но строчки ровные. На полях, возле дроби, осталась тёмная дуга от стёртого карандаша.

После шестого урока мама прислала сообщение: «Иди к Вере. Приеду вечером с вещами».

Ася набрала ответ, стёрла и позвонила. Мама не взяла трубку. Тогда она написала: «Только на несколько дней».

Под сообщением долго ничего не появлялось.

* * *

Тётя Вера открыла дверь прежде, чем Ася позвонила второй раз. На ней был домашний кардиган с застёгнутой только верхней пуговицей. В квартире пахло луком и чистой влажной тканью.

— Куртку сюда. Я крючок освободила.

На крючке всегда висела коричневая ветровка дяди Коли. Ася помнила её карманы, растянутые связкой ключей. Теперь ветровки не было. Она сняла куртку и повесила так осторожно, что Вера придержала за спину, решив, будто племянница покачнулась.

— Замёрзла всё-таки. Иди есть.

В комнате, где стоял диван, убрали коробки с книгами. На столе лежала белая клеёнка, а рядом — пустой стакан для ручек. Ася посмотрела на него и сразу отвернулась. Этот стакан означал, что речь шла не о нескольких ночах с рюкзаком под боком.

Она поела у кухонного окна. Отсюда было видно школьный стадион и тополя за сеткой. Девчонки из младших классов бегали по кругу, поднимая пятками мокрый песок. До школы отсюда можно было дойти за семь минут. Ася подсчитала это против воли и рассердилась на себя.

Мама приехала уже в темноте. Её подвёз Андрей: они обогнули реку через Ключи, потому что у парома снова скопились машины. Из багажника принесли дорожную сумку, пакет с обувью и Асин старый плед. Увидев плед, она шагнула вперёд.

— Зачем столько?

— Что успела собрать. Спортивное внизу. Зарядку не нашла, ты, наверное, взяла.

— Мам, я в пятницу домой.

— Конечно. Кто тебя держит.

Мама говорила быстро, уже оглядываясь на кухню. Вера ставила на стол третью чашку, Андрей остался ждать в машине. На рукаве маминой куртки белела мучная пыль. Ася стёрла её большим пальцем.

— Милка как?

— Уснула. Немного поплакала. Ты ей утром позвони, она привыкла, что ты косу делаешь.

— Ты можешь две резинки взять. Ей так даже удобнее.

— Возьму.

Мама села на край стула, выпила несколько глотков и стала перечислять, где что лежит. Тёплые колготки в боковом кармане, крем для рук в маленьком пакете, деньги Вере она переведёт вечером. Ася слушала, держа пальцы на молнии сумки. Если сейчас открыть её, придётся раскладывать всё по чужим полкам.

— Долго мост будут делать? — спросила она.

— Никто ничего толком не говорит. Тебе главное учиться.

Это прозвучало почти торжественно. Ася уже приготовилась кивнуть, когда мама добавила:

— Но на выходные приезжай обязательно. У меня в субботу приёмка. И если днём будет возможность, Милку встретить. Андрей не каждый раз сможет, у него своя работа.

— Я приеду, — сказала Ася. — Я буду ездить, как только смогу.

Мама обняла её одной рукой; в другой уже лежал телефон с сообщением Андрея. Ася прижалась щекой к прохладному воротнику. От него пахло дождём, складом и тем шампунем, который они покупали на двоих. На секунду захотелось попроситься в машину. Они бы ещё успели доехать домой, поставить чайник, проверить у Семёна задачу. Завтра можно было встать раньше.

Но мама отпустила её и вышла в коридор.

Когда машина уехала, Ася долго стояла над сумкой. Вера не торопила. За стеной заговорил телевизор, потом тётя убавила звук. Ася достала плед, положила на диван и расстегнула боковой карман. Между колготками и носками лежала Милкина заколка — зелёная, с облупленным листочком.

Она сфотографировала её и отправила сестре: «Привезу в пятницу».

Затем положила заколку в школьный пенал, туда, где точно не забудет.

Глава 2. Семь минут

У Веры чайник выключался сам. Ася поняла это, когда, умывшись, прибежала на кухню и увидела, что красный огонёк уже погас. Дома свисток надо было снимать сразу: Мила закрывала уши, а мама сердилась, если кипяток плескался на плиту. Здесь вода могла стоять и остывать сколько угодно. Никого больше не нужно было будить.

На часах было без десяти семь. Ася положила на тарелку два ломтика хлеба, потом один вернула в пакет. Вчера тётя спрашивала, что она любит на завтрак, и теперь на средней полке холодильника стояли йогурт, творог и четыре маленькие банки варенья. Ей было неловко выбирать. Она взяла сыр, который уже был разрезан.

Вера появилась в дверях, кутаясь в кардиган.

— Ты почему так рано?

— Привыкла.

— Лечь бы ещё на полчаса.

Ася посмотрела на заправленный диван в соседней комнате. Там уже лежал собранный рюкзак. Возвращаться под плед после завтрака было так же странно, как приходить на урок после звонка и сразу проситься выйти.

Она позвонила домой. Мама ответила не сразу, шёпотом, и Ася тоже понизила голос, хотя Вера ушла в ванную.

— Мам, Милка встала?

— Сейчас буду поднимать.

— У неё белая кофта на стуле, я погладила в воскресенье. Семёнов пенал в ящике, он опять будет искать.

— Знаю. Ты сама собралась?

— Да.

— Позвони ей после школы. Мне убегать.

Ася осталась с телефоном возле уха. Семён обычно спорил с Милой из-за места у зеркала, потом кто-нибудь обязательно ронял зубную щётку. Сейчас всё это должно было происходить без неё. Она хотела услышать хотя бы шум воды, но связь уже оборвалась.

До выхода оставался почти час. На столе лежал листок Матвея. Ася переписала решение в тетрадь и только возле последней строки заметила, что понимает, откуда взялся ответ. Она проверила ещё раз. Когда никто не спрашивал, куда делись ножницы и можно ли надеть мокрую куртку, числа складывались совсем иначе.

В школу она вышла в семь сорок. Вера попросила сообщить, как доберётся.

— Она же вон, — сказала Ася, показывая в окно.

— Я понимаю. Всё равно напиши.

Ася прошла мимо школьного стадиона, обогнула лужу и вошла в калитку. Семь минут оказались шестью. Она даже остановилась у берёзы, проверяя, не забыла ли что-то: завтрак съеден, рюкзак за плечами, молока в руках нет. Впервые за много месяцев ей не приходилось подбегать на последних метрах.

Полина ждала у раздевалки. На плече у неё болталась сумка с туфлями, другой рукой она придерживала книжку, заложенную большим пальцем.

— Ты теперь здесь? Насовсем?

— До ремонта.

— А сколько это?

— Пока не сказали.

Полина вытащила палец из книжки и убрала её в рюкзак.

— Тогда ты в четверг можешь остаться. Мы с Денисом после уроков в библиотеку пойдём, он нашёл старые фотографии набережной. Для выставки в октябре.

— В четверг не знаю.

Ася ответила так быстро, что Полина чуть приподняла брови. Четверг ещё ничем не был занят, но сказать «могу» значило распорядиться временем, на которое дома уже могли рассчитывать.

— Посмотришь, — сказала Полина. — Я тебе вчерашний русский принесла. Верни на большой перемене, мне ещё саму работу дописать.

Она протянула тетрадь и побежала к лестнице. Ася осталась у скамейки, снимая ботинки. На этот раз носки были её собственные, короткие. Всё равно захотелось проверить, не смотрит ли кто-нибудь.

* * *

На физике Ася села впереди Матвея. Окно было открыто, по парте скользил холодный воздух, и она прижала углы тетради пеналом и учебником. Матвей наклонился через проход.

— Ты у Селивановой теперь?

— Да. А ты откуда знаешь?

— Мама твою видела. Они вчера на переправе вместе стояли.

Она вспомнила, что его мать работает в сельской библиотеке, куда Мила бегала за книжками про животных. Сам Матвей жил через три улицы от них, но встретить его дома удавалось гораздо реже, чем в школе. В прошлом году они разговаривали обычно о том, какой автобус уже ушёл.

— Ты как добрался?

— Ночевал у деда. Он возле водонапорной башни живёт. Теперь буду у него по будням.

— Тебе тоже вещи привезли?

— Я сам взял. Мало.

Он достал из тетради сложенный вдвое лист и разгладил на её парте. Новое расписание было напечатано крупно, а поверх двух строк синей ручкой стояли исправления.

— Это отец вчера принёс. Отправление с нашего берега вот здесь. А это из города. Не перепутай: листы возле пристаней разные.

Ася провела пальцем по времени. В половине четвёртого можно было уехать, если не заходить к Вере и успеть на городской автобус. Тогда дома она оказалась бы раньше пяти. Ещё можно помочь Миле, приготовить ужин и вернуться последним рейсом.

— Вечерний точно будет?

— Если погода позволит.

— А если дождь?

— Просто дождь не мешает. Туман, сильный ветер — тогда могут поставить. Отец не обещает заранее.

Матвей говорил без особенного выражения, но последнее повторил чуть медленнее, словно Ася уже приняла решение, которого он не одобрял. Она сложила лист.

— Можно я сфотографирую?

— Оставь себе. У меня в телефоне есть.

Учитель вошёл, и Матвей вернулся на своё место. Ася записала тему, но всё ещё видела перед собой две колонки времени. Если в пятницу уйти сразу после шестого урока, всё получится. Если дождаться дополнительной географии — тоже, просто дома она будет позже. Для пятницы это не страшно. Для обычного дня уже не годилось.

На большой перемене она догнала Матвея у питьевого фонтанчика.

— Спасибо за алгебру. Я поняла.

Он выпрямился, вытирая подбородок тыльной стороной ладони.

— Правда поняла или переписала?

Ася нахмурилась.

— Могу объяснить.

— Я не проверяю. Просто могу ещё показать, если надо.

Он отступил, пропуская мальчишку с бутылкой. Ася осталась рядом, хотя сказать больше было нечего. У Матвея на шее, под воротом футболки, виднелась тонкая светлая полоска от загара. Она раньше не замечала, что он загорел сильнее остальных: наверное, всё лето проводил у воды. Ей вдруг стало важно спросить про это, но рядом протиснулись два шестиклассника, и вопрос показался слишком личным для школьного фонтанчика.

— Ты в пятницу домой? — спросила она вместо этого.

— После географии. Если ничего не перенесут.

— Я тоже.

Он кивнул, и они пошли к лестнице. Вместе было удобнее идти, чем стоять.

* * *

В три часа Ася уже была у Веры. Тётя смотрела на часы и снимала со стола вторую тарелку: свою она успела вымыть.

— Я думала, ты к двум.

— У нас семь уроков.

— Ты утром не сказала.

— Я не знала, что надо.

Вера задержала тарелку над раковиной.

— Ну хорошо. Завтра скажешь. Еду разогреть?

Ася хотела ответить, что сама, но тётя уже включила плиту. Она стояла рядом, не находя дела для рук. Дома в это время приходилось одновременно резать хлеб и слушать Семёна, который рассказывал о драке возле спортзала. Здесь тётя дала ей вилку, посадила к столу и села напротив.

— Как день?

— Нормально.

— Никто не обижал из-за опоздания?

— Кто?

— Учителя.

— Нет. Там многие опоздали.

Вера кивнула и стала рассказывать про очередь в поликлинике, где получила направление на плановый осмотр. Ася слушала и крошила картофель вилкой. Она любила тётю, особенно в детстве, когда здесь разрешали рассматривать альбомы и брать из серванта настоящие хрустальные конфеты — тяжёлые, цветные стекляшки. Но приезжать на два часа было легче, чем отвечать за то, чтобы тётин день не прошёл впустую.

После обеда она помыла обе тарелки. Вера сначала возразила, потом всё-таки дала полотенце. Это немного успокоило.

Мила позвонила в половине пятого. На экране прыгало изображение её подбородка, потом появилась одна коса, неровная и тугая.

— Видишь? — спросила она.

— Вижу. Кто заплетал?

— Мама. Больно было. А сейчас уже не больно. Ты сегодня приедешь?

Ася посмотрела на расписание, лежавшее под учебником. До рейса оставалось двенадцать минут, до пристани было сорок пешком. Даже если бежать, ничего бы не получилось.

— В пятницу. Я же писала.

— А сегодня среда.

— Да.

Мила молчала. За её плечом прошёл Семён и сказал, что телефон ему нужен для задания. Сестра прижала его к себе, экран потемнел. Ася услышала, как они спорят, и начала говорить громче, чтобы оба услышали:

— Сёма, дай ей пять минут. Мила, потом отдашь. Покажи, что задали.

Они занимались почти час. Телефон нагрелся в ладони. Когда Мила наконец прочитала последний абзац, Вера постучала в открытую дверь и показала на часы: начинался вечерний выпуск новостей. Ася слышала сразу Милу и диктора, а за ними — просьбу тёти говорить потише.

Ася убавила громкость и наклонилась ближе к экрану. По стеклу прошла тень от её волос. В этот момент пришло сообщение от Матвея: фотография доски с последнего урока и короткое «Тут у тебя край не попал».

Она открыла снимок уже после звонка. На её собственной фотографии действительно не было правой части формулы. Матвей, значит, заметил, как она снимала доску. Или видел экран. Ася увеличила фотографию, потом вернула прежний размер. Почему-то хотелось ответить не одним «спасибо».

Она написала: «У деда нормально?»

Ответ пришёл через несколько минут: «Да. Он рано ложится. Я в кухне».

Ася посмотрела на свою дверь. Вера уже ушла в спальню, телевизор теперь звучал приглушённо. Она села на край дивана и набрала: «Я тоже пока не знаю, куда тут деваться вечером».

Матвей ответил не сразу. Ася успела убрать со стола учебники, но телефон оставила рядом.

«В пятницу пойдём к парому вместе», — написал он.

Она прочитала сообщение два раза. Потом встала, подошла к окну и раздвинула занавески. За стадионом зажглись фонари. До пятницы оставался ещё один полный школьный день.

Глава 3. Дальше остановки

Матвей ждал её у раздевалки, положив подбородок на скрещённые руки. Он сидел верхом на скамейке; рядом лежал рюкзак и свёрнутый серый свитер. Ася задержалась в кабинете географии, потому что Елена Сергеевна дала ей на выходные атлас, которого не было в школьной библиотеке. В нём город изображался слоями: где люди живут, куда ездят, сколько времени тратят. Она разглядывала один разворот слишком долго и теперь почти бежала.

— Ты давно?

— Минут пятнадцать.

— Надо было написать.

— Ты же сказала, что придёшь.

Он поднял рюкзак, и от этого простого ответа Ася почувствовала себя одновременно виноватой и какой-то надёжной. Её дождались, потому что она обещала, а не потому, что без неё не могли открыть дверь или разогреть еду.

У Веры Ася оставила школьные учебники, взяла сумку на выходные и вернулась во двор. Матвей стоял у клумбы, наблюдая за дворником, который вытаскивал шланг из-под куста. Вера вышла на балкон.

— Напиши, как сядете! — крикнула она.

Ася махнула рукой. Матвей тоже поднял ладонь, хотя тётя смотрела на неё.

Они пошли к остановке вдоль стадиона. После дождей снова стало тепло. Трава за сеткой была короткая, с влажными тёмными полосами там, где утром прошла косилка. У Аси на плече сползал ремень сумки. Матвей заметил, но не предложил забрать её сразу; только когда ремень второй раз съехал к локтю, спросил:

— Тяжёлая?

— Нет. Просто куртка скользкая.

— Можно в руке.

— Можно.

Она взяла сумку за короткие ручки и почувствовала себя неловко. Наверное, он хотел помочь, а она ответила, будто он учил её обращаться с сумкой. Ася попыталась придумать другое начало разговора. В голове почему-то возникали только вопросы про расписание.

— Ты всё лето на переправе был?

— Не всё. В июле у бабушки, в Лесном.

— А я подумала, ты там работаешь.

— У отца? Нет. Иногда приходил. Он мне кое-что показывает. Работать там просто так не дадут.

Они дошли до остановки. Автобус уже стоял, но водитель закрывал люк над двигателем и говорил по телефону. Люди ждали снаружи, не понимая, пустят их или нет. На скамейке мужчина положил голову на пакет с подушкой. Ася обошла его и посмотрела на часы.

— Пешком успеем? — спросила она.

Матвей оглянулся на улицу.

— До следующего успеем. Если этот не поедет, ещё минут двадцать будем здесь стоять.

Она представила два одинаковых ожидания — на остановке и у воды — и шагнула к переходу.

— Тогда пойдём.

Город после знакомых магазинов начинался для неё заново. Обычно она видела его из окна автобуса, отмечая места, где надо нажать кнопку: аптека, почта, школа. Сейчас оказалось, что возле почты была узкая лестница вниз, а за цветочным киоском — пустой двор со старой яблоней. Матвей свернул туда, и Ася остановилась.

— Здесь можно пройти?

— Днём калитка открыта. Я с дедом хожу.

За двором начиналась дорожка над оврагом. Под ногами шуршал мелкий гравий; справа поднимались задние стены гаражей, слева, сквозь кусты, белела вода. Ася поравнялась с Матвеем. Сумка перестала цепляться за чужие пальто, и её вес уже не раздражал.

— Я эту дорогу не знала.

— Она короче, только зимой тут плохо чистят.

— На карте её вообще нет.

— Ты смотрела?

— Сейчас смотрю.

Ася вынула телефон. Серый прямоугольник гаражей на экране перекрывал то место, где они стояли. Она приблизила карту и увидела маленькую синюю точку прямо посередине крыши.

Матвей наклонился к экрану. Его плечо оказалось совсем рядом с её плечом, и Ася чуть повернула телефон, чтобы он видел лучше. Точка дёрнулась к реке.

— У нас за домом так же, — сказал он. — Дорогу прокладывает через чужой огород.

— Наверное, никто не сообщил.

— Может быть.

Он пошёл дальше, а Ася на секунду осталась, делая снимок развилки. Потом догнала его. Не хотелось объяснять, зачем ей фотография места, на котором ничего особенного не было.

У пристани они оказались за двадцать минут до отправления. Очередь людей была меньше, чем во вторник, машин — больше. Белый фургон, точно такой же, что во вторник у моста, стоял с поднятым капотом. Рядом продавали пирожки из термосумки. Ася ощутила запах капусты и вспомнила, что поела только перед первым уроком.

— Ты обедала? — спросил Матвей.

— У тёти не успела.

Он купил два пирожка и протянул один. Ася нашла в кармане мелочь.

— Потом отдашь, — сказал он.

Она всё-таки положила деньги ему в ладонь. От нагретого пакета пальцы стали липкими. Матвей не спорил, убрал монеты и откусил свой пирожок, стоя лицом к реке.

Ася ела медленнее. Ей нравилось, что он не следит, понравилось ли ей. Можно было жевать, смотреть на воду и не поддерживать разговор каждую минуту. С другого берега доносился глухой стук металла. Паром отвалил от причала, и люди возле ограждения сразу перестали топтаться.

— Ты после школы куда хочешь? — спросил Матвей.

— Сейчас?

— После одиннадцатого.

Она вытерла пальцы салфеткой.

— Не знаю ещё. Географию буду сдавать. Может, что-нибудь с картами. Только я пока не понимаю, где этому учатся и кем потом работают.

— Ты же всегда хорошо по ней отвечаешь.

— Отвечать и работать — разное.

Он кивнул, будто это был нормальный ответ, а не попытка спрятать отсутствие настоящего плана. Мама на таком месте обычно говорила, что надо выбирать понятную профессию, чтобы потом не мотаться без заработка.

— А ты?

Матвей долго мял край бумажного пакета.

— Электрика хочу. Не просто лампочки менять. Разобраться нормально. Мне нравится, когда находишь, почему что-то не работает.

— У отца останешься?

— Он так думает.

Матвей бросил пакет в урну и больше ничего не добавил. Ася хотела спросить, что думает он сам, но у ограждения уже двигались, и они подняли вещи. Его ответ не был отказом говорить; скорее, он пока не знал, можно ли произнести всё остальное здесь, на виду у соседей.

На паром пускали после машин. Ася ступила на ребристый настил, почувствовала, как подошва цепляется за металл, и придержала сумку, чтобы не задеть чьё-то зеркало. В нос ударил запах солярки. Матвей показал свободное место у борта, за разметкой для пассажиров. Они встали рядом.

Мужчина в рабочей куртке вышел из рубки и помахал Матвею. Волосы у него были такие же тёмные, только по бокам уже седые.

— Дед дома? — спросил он.

— Дома. Сказал, сам до магазина дойдёт.

— Ладно. Мать предупредил?

— Да.

Мужчина посмотрел на Асю.

— Баженова?

— Здравствуйте.

— Здравствуй. Мать твою вчера видел. Ей сказал, пусть по вечернему рейсу всегда уточняет, там следующей неделей могут убрать один.

— Хорошо.

Он ушёл, потому что возле въезда кто-то звал его. Матвей проводил отца взглядом. Ася заметила, что он выпрямился, пока они разговаривали, и только теперь снова опёрся локтем о поручень.

Паром дрогнул. Вода между ним и берегом стала шире, закрутилась серыми складками. Город медленно отошёл: сначала ступени пристани, потом будка, потом дома, из которых остались только верхние этажи. Ася повернулась к Заречью. Их дом был не виден за деревьями, но она точно знала, в какой стороне стоит кухня и куда выходят Милкины окна.

На середине реки ветер подул сильнее. Она выпустила ручку сумки, чтобы убрать волосы с лица, и сумка покатилась к Матвею. Он прижал её ботинком, потом поднял. Их пальцы встретились на ручке. Ася взяла не сразу — на мгновение они оба продолжали держать.

— Спасибо, — сказала она.

Матвей отпустил. Она поставила сумку между ног и больше не смотрела вниз. На противоположном берегу уже можно было различить людей. Среди них стояла маленькая девочка в синей куртке и прыгала, размахивая двумя руками.

— Мила, — сказала Ася.

Сердце сразу дёрнулось к берегу. Она помахала в ответ. Рядом с сестрой был Семён, в расстёгнутой ветровке, с лицом человека, которого заставили идти слишком далеко. Ася ещё на воде начала прикидывать, не замёрз ли он и успеют ли они зайти за хлебом.

Когда сошли на берег, Мила повисла у неё на шее. Сумка упала на доски.

— Ты заколку привезла?

— Привезла. Дай только достать.

Ася раскрыла пенал, вытащила зелёный листочек и приколола его сестре над виском. Матвей поднял её сумку. Семён взял её у него, буркнув «спасибо», и сразу пошёл к дороге.

— До понедельника, — сказал Матвей.

Ася кивнула, не успев подняться с корточек. Мила тянула её за рукав, показывая что-то на воротнике. Матвей уже отошёл к тропинке вдоль воды.

Она обернулась, когда сестра наконец отпустила. Он тоже обернулся — издалека, возле кустов. Ася подняла руку, свободную от сумки и Милкиной ладони. На этот раз он помахал только ей.

Глава 4. Воскресная сумка

Дома её место за столом оказалось занято Милкиными тетрадями. Ася поставила сумку на пол, собрала тетради в стопку и увидела под ними круг от кружки. Мила наблюдала за ней из дверей, уже без куртки, но в ботинках.

— Я тут теперь делаю, — сказала она. — У окна темно.

— Хорошо. Только чашку на бумагу не ставь.

Ася провела ладонью по скатерти. Мама купила новую, клеёнчатую, с мелкими синими цветами. Прежнюю Ася обещала отмыть ещё в августе. Значит, мама не дождалась и выбросила. Почему-то это было неприятно, хотя от старой клеёнки давно пора было избавиться.

Семён принёс из комнаты коробку с деталями и высыпал на стол.

— Посмотри, как это соединяется. Мы в школе начали, я домой взял.

В коробке лежала фанерная подставка для карандашей, разъехавшаяся по пазам. Ася сняла резинку с волос, закатала рукава и подвинула к себе одну стенку. Семён сел рядом. Мила забралась с другой стороны, просунула пальцы в прорези и спросила, можно ли тоже.

— Держи здесь, — сказала Ася.

Они наклонились над столом втроём. Фанера пахла школьной мастерской; один край был обожжён, и от него оставался чёрный след на пальцах. Ася вставила стенку не той стороной, пришлось вытаскивать. Семён нахмурился, но потом сам нашёл нужный выступ.

Когда коробка наконец собралась, он несколько раз повернул её на свет. Мила тут же принесла карандаши, и подставка стала обычной вещью, которую можно было оставить на столе. Ася почувствовала тёплую усталость, совсем не похожую на школьную. Здесь она знала, куда деть руки. Здесь сразу замечали, что она приехала.

Мама вернулась в половине восьмого. Сняла куртку, провела мокрой ладонью по лбу и сначала обняла Асю, а уже потом спросила, разогрет ли суп.

— Ты похудела, что ли?

— За три дня?

— Лицо другое. Вера кормит?

— Очень.

Мама посмотрела на неё внимательнее, словно ждала ещё чего-то, но Мила потянула её к подставке. Пока они рассматривали работу, Ася разлила суп. Ложки лежали не в том отделении, куда она обычно их складывала. Она переложила одну, остановилась и оставила остальные как есть.

За ужином говорили все сразу. Семён рассказывал про нового учителя физкультуры, Мила вставляла подробности про его свисток, мама жаловалась, что привезённые яблоки опять побились в дороге. Ася слушала, улыбалась и ела слишком быстро. Хотелось успеть побыть внутри этого шума, пока никто не встал из-за стола.

После ужина мама достала из сумки лист бумаги, исписанный в углу.

— Завтра я с восьми. Бельё там замочено, машинка не отжимает как следует. Андрей сказал, посмотрит, только когда освободится. Семёну нужно купить циркуль, он так и не дошёл. Милу к одиннадцати в клуб, у них рисование снова началось.

— А после клуба?

— Заберёшь. Ещё хлеб возьми, сегодня мягкого не осталось.

Ася кивала. Мама говорила не требовательно, а с облегчением, снимая с запястья резинку от волос. Наконец можно было перечислить дела человеку, который поймёт с первого раза.

— Ты отдохни пока, — добавила она. — Я посуду помою.

Ася протянула руку за чашкой, но мама не отдала.

Она ушла в комнату. На её подушке лежал Милкин заяц с одним пришитым глазом. Мила, видимо, спала здесь одну из ночей. Ася положила игрушку рядом, легла поверх покрывала и открыла телефон. Матвей прислал фотографию старой карты: река изгибалась не так, как на нынешнем экране, а вместо мостовой линии был маленький значок лодки.

«Дед нашёл. Ты про дороги говорила».

Ася увеличила снимок. На сгибе бумаги название Заречья почти стёрлось. Она знала это название с детства, но на старой карте оно вдруг стало чужим и интересным, будто село можно было увидеть не только из своей кухни.

«Можно в понедельник посмотреть?» — написала она.

«Возьму, если даст».

Она оставила телефон возле подушки и ещё некоторое время смотрела на тёмное окно. За ним был двор, низкий забор и дорожка к сараю. На городском берегу в это время зажигались фонари, а здесь свет держался только у соседских ворот. Ася знала, где скрипнет калитка, если мама выйдет проверить замок. Звук был такой знакомый, что она уснула, не дождавшись его.

* * *

В субботу она промокла до колен, полоща в ванне тяжёлый пододеяльник. Машинка оставила его полным воды. Семён держал другой конец, но всё время отпускал, когда Ася пыталась выкрутить ткань сильнее.

— Я не могу, — сказал он наконец.

— Можешь. Схвати вот тут.

— У меня руки болят.

Она хотела ответить, что у неё тоже, но посмотрела на его тонкие пальцы, красные от воды. Ему было одиннадцать. В одиннадцать она сама уже меняла Миле подгузники, и эта мысль почему-то не помогла.

— Ладно. Принеси таз.

Семён ушёл, вернулся с тазом и встал рядом, не пытаясь сбежать. Они дотащили бельё во двор, где с верёвки ещё капала утренняя роса. Ася перекинула пододеяльник, он тяжело хлопнул о землю. Пришлось поднимать и заново полоскать угол.

На рисование они опоздали. Мила всю дорогу дулась, потому что в рюкзаке не оказалось толстого альбома. Ася дала ей свой тонкий, купленный для черновых карт, и пообещала потом переплести листы, если рисунок не поместится. У входа в клуб сестра вдруг обняла её за пояс.

— Ты подождёшь?

— За хлебом схожу и вернусь.

— Не уедешь?

Ася наклонилась, чтобы видеть её глаза.

— Сегодня нет.

Мила отпустила и побежала внутрь. Ася осталась под козырьком с пустыми руками. До магазина было пять минут, занятие длилось полтора часа. Можно было зайти к реке. Матвей, наверное, тоже дома. Она почти открыла переписку, но вспомнила про циркуль, потом про бельё, которое ещё нужно развесить с другой стороны, чтобы просохло.

Она убрала телефон.

У магазина встретился Андрей. Он вылезал из машины, прижимая плечом пакет с мукой. Ася придержала дверь.

— Тебя уже привезли обратно? — спросил он.

— Я на выходные.

— А, правильно. Учиться надо в городе. По этой дороге каждый день ездить — ничего не останется.

— Мама сказала, ты машинку посмотришь.

Андрей переставил пакет в другую руку.

— Завтра, если с работой управлюсь. Там, может, просто фильтр. Скажи ей, не забыл.

— Ты сам напиши. Я тоже забуду.

Он удивился, потом кивнул. Ася сразу пожалела о своём тоне. Андрей во вторник потратил на них целый вечер, ничего не попросил, даже бензин мама ему отдала только после долгого спора. Она купила хлеб и, уже выходя, всё-таки отправила матери сообщение про машинку.

Вечером ей не хватило сил на географию. Мила лежала рядом, раскрашивала на коленях дом с красной крышей и спрашивала, можно ли в октябре позвать на день рождения трёх девочек, а не двух. Ася отвечала, что надо спросить маму. Сестра хотела именно Асиного ответа.

— Ты же будешь?

— Буду.

— Даже если мост не сделают?

— Паром будет ходить.

Мила прижала к бумаге зелёный карандаш. Ася посмотрела на слишком яркую траву вокруг нарисованного дома и не исправила. Для пятого октября такая трава была вполне возможна. Ещё целый месяц оставался.

* * *

В воскресенье Вера позвонила дважды. Сначала уточнила, каким рейсом Ася поедет, потом попросила купить на сельской почте большой конверт: в городском отделении остались только с окошком. Ася записала про конверт на ладони, хотя почта по воскресеньям не работала. Об этом она вспомнила уже после звонка и снова набрала тётю.

— Тогда в другой раз, — сказала Вера. — Не надо специально.

Но Ася всё равно зашла к запертой двери, когда шла за Милой к подруге. На бумажке с режимом работы ничего не изменилось.

Мама предлагала остаться до утра. На первом рейсе, если не будет задержки, вполне можно успеть к школе. Ася смотрела на выстиранную блузку, которая ещё висела над ванной, и пыталась представить будильник в пять с чем-то. Вера уже сварила ужин. Учебник географии был у неё на столе. Матвей обещал принести карту.

— Лучше сегодня, — сказала Ася.

Мама достала из сушилки контейнер.

— Тогда тёте котлет передай. Только сама тоже ешь. Она всё тебе оставит, я её знаю.

Никакой обиды в голосе не было. Ася с облегчением начала собирать сумку. Мила стояла в дверях и не помогала.

— Ты обещала закончить со мной картинку.

— Мы почти закончили.

— Там деревья пустые.

Ася достала из пенала коричневый карандаш, села рядом с сестрой и нарисовала три ветки. Потом протянула карандаш Миле.

— Дальше сама. Я посмотрю, когда приеду.

— Ты всё время так говоришь.

Ася подняла голову. До этого «всё время» длилось всего пять дней. Хотелось сказать сестре, что она вообще-то приехала, провела здесь двое суток и никуда не ушла, даже когда могла. Но Мила смотрела на недорисованные деревья, и спорить с ней было бессмысленно.

На пристань Ася пошла одна. Семён собирал портфель, мама мыла пол, Мила осталась рисовать. В сумке лежали котлеты, две груши и мамина кофта, случайно попавшая в стопку белья. Ася заметила кофту уже на берегу и решила не возвращаться.

Паром пришёл вовремя. Она села на скамью, впервые не подходя к борту, и положила сумку себе на колени. Дорога на другой берег заняла те же пятнадцать минут. Никто не спросил за это время, где карандаш и когда она вернётся.

У Веры на столе стояла тарелка супа. Ася поела, распаковала вещи и открыла атлас на том развороте, который не успела рассмотреть в пятницу. За стеной тётя говорила по телефону, рассказывая кому-то, что племянница уже приехала.

Ася пододвинула лампу ближе. На карте города были дороги, по которым она пока никогда не ходила. Она выбрала одну и проследила пальцем до самого края страницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.